

[Л.1]

Стенограмма записи воспоминаний д-ра исторических наук, зав. отдела института истории Украины АН УССР в г. Львове, проф. Крипьякевича.

Я родился в 1886 г. в г. Львов. Гимназию окончил во Львове, университет в 1909 также во Львове. В 1911 г. защитил докторскую по философии, исторические науки. Во времена Польши работал учителем в гимназии в г. Львов, Рогатине и Жовкве и некоторое время в Познани, но больше всего во Львове.

С 1907 г. меня избрали как действительного члена исторической секции Научного Общества им. Шевченко во Львове. С приходом советских войск в октябре 1939 меня назначили профессором, заведующим кафедрой истории Украины во Львовском государственном университете, а с февраля 1940 назначен зав. отделом Института истории Украины НАН во Львове. В 1940 г. был избран депутатом народного собрания, а в 1941 г. депутатом Львовского областного совета.

Во времена немецкой оккупации оставался во Львове и был редактором научных изданий в украинском издательстве. После освобождения Львова советскими войсками работаю руководителем кафедры истории Украины во Львовском университете и зав. отделом института истории Украины АН УССР во Львове.

В своих воспоминаниях я хотел бы коснуться трех вопросов: 1) отношение немцев к украинскому народу; 2) Украинский центральный комитет; 3) дела украинской науки.

1.

Уже в 1939 немцы заинтересовались украинскими делами и пытались тех украинцев, которые оставались под их оккупацией в Кракове, на Лемковщине и Холмщине, объединить для своих целей [Л.2] и пропаганды. Они позволяли работать украинским школам, гимназии, что не разрешали делать полякам. Разрешили Украинское издательство, дали украинцам свою администрацию по городкам и селам. Очень много украинцев получили в управление разные имения и промышленные предприятия или учреждения. Даже был проект создать в Кракове научный украинский институт. Часть из тех украинцев, которые уехали в Германию, стали рейхсдойче (немцы заставляли это делать уехавших), по разрешению немецкой комиссии. В 1939-41 г. немцы не позволяли писать ничего против советизации. Цензура за этим очень следила.

Когда началась война с Союзом Советских Республик в 1941 г., как мне тогда сообщили, в течение двух или трех недель немецкая пресса была полна статей об Украине. Эти статьи были написаны в том направлении, что немцы помогут строить украинское государство. Как мы узнали от украинских переводчиков, которые находились при немецкой армии, вермахт, армия получила инструкции (нам их читали), где было сказано, что надо избегать ошибок 1918 г. и надо добиться присоединения украинского народа. Также тогда

у вермахта были карты Украины с границей вплоть до Волги. Вермахт разрешил пропаганду бандеровцам, которые в первый день приезда во Львов развесили плакаты с лозунгами «Украина для украинцев». Было ли это сделано для пропаганды, действительно ли были у немцев какие-то другие намерения вначале – не знаю, но в любом случае украинская националистическая интеллигенция дала себя поймать на эти немецкие обещания самостоятельности. Однако, через две или три недели после начала войны совершенно неожиданно из прессы исчезло слово «Украина» и все статьи об Украине. Говорили, что это произошло по личному требованию Гитлера, который вообще не признавал украинской нации, а только украинское племя или народ, потому то они не позволяли употреблять слово нация, а только слово «фолк», что означало народ-племя, то есть народ, который еще не стал нацией.

[Л.3] Говорили, что Гитлер был на правобережье, в Софиевке на Уманщине, что он созвал к себе представителей крестьян, городского населения, учителей, священников и через переводчиков вел с ними беседы. Будто этот разговор привел к решению, что украинский народ не нация. Дальше говорили в немецких высших кругах, что Гитлер запретил какие-либо высшие школы, университеты на территории Украины, что этот запрет вышел от него непосредственно, и поэтому, когда позже в г. Львов местные немецкие чиновники (Франк) позволил открыть некоторые институты, то они не назывались институтами, а только профессиональными курсами, чтобы скрыть это перед властью и показать, что воля Гитлера была выполнена.

В первое время после прихода немцев во Львов большую роль играл Ганс Кох, проф. истории Венского университета, в гг. 1918-20 был офицером Украинской Галицкой армии. По происхождению он был галицкий немец, хорошо знал украинский язык. Немцы его использовали для пропаганды среди украинской интеллигенции и он, имея много личных знакомых с войны, распространял оптимистичные вести об украинском государстве, о самостоятельности. Позже он уехал в Киев и там выполнял такую же роль, а затем был на Левобережье, даже в Харькове. Он якобы позже изобразил дело таким образом, что вермахт более благосклонно относится к украинским делам, чем гражданская власть, которую возглавлял Эрих Кох.

Но украинская интеллигенция быстро разочаровалась в немецкой приязни, потому что немцы в Галиции, особенно во Львове, изначально начали отдавать все учреждения полякам. Поляки получили все хозяйственные учреждения, продторги и другие. Дальше получили в свои руки совхозы, всю торговлю, все домоуправления, то есть все то, чем украинский элемент владел в советское время. Все вновь перешло в руки поляков и пришло в такое состояние, как было при Польше. Немцы вовсе не признавали украинского характера Галиции, [Л.4] старались привязать к традициям польским или немецким. Например, улицы стали называться немецкими названиями. Особенно поражало то, что в прессе не разрешалось писать об украинской нации, а только о народе, и не позволяли

высших научных учреждений, и не позволяли открывать университеты и академии.

Поражало то, что власть не была однородной, ощущались различия между гестапо, гражданской властью (например, губернатор) и военной властью. Очень трудно было найти в различных делах одну директиву. Когда одна власть какую-нибудь концессию сделала, то вторая власть выступала против. Также были различия между Эрихом Кохом и галицким губернатором Вехтером относительно того, каким способом лучше завладеть украинцами – или методами истребления (метод Коха), или путем взаимопонимания с населением (метод Вехтера). Из кругов галицкого дистрикта было выслано в начале 1943 комиссию в Рейхскомиссариат Украины для того, что скомпрометировать деятельность Коха, в состав этой комиссии входил М.Ип. Лозакер. Немецкая администрация была необычайно продажная. Ее можно было легко купить. Все наиболее важные дела решались на банкетах. Особенно для немцев были желательны икра и гусь. Так, например, когда арендаторы аптек пригласили на банкет своего шефа-немца, главу аптекоуправления, он пришел не один, а со своей женой и секретаршей, и он увидел стол, где было всего очень много, был очень доволен и сказал, что это все было даже «сказочное».

Председатель УЦК Кубийович ежегодно по праздникам принимал у себя сотрудников ген-губ. Франко. На таких банкетах решались все важнейшие дела. Министр Франко принимал «почетные подарки» от Центрального комитета, например, золотой самовар. Если нужно было опубликовать какую-то книжку в украинском издательстве, то прежде всего надо было обратиться к чиновнику-немцу и пить с ним всю ночь. И только после этого можно было ожидать согласия этого немца.

[Л.5] 2.

Вторым вопросом является Украинский Центральный Комитет. Он был образован в Кракове и сначала имел характер вспомогательного учреждения, которое должно помогать населению. УЦК должен был быть посредником между населением и немецкими властями. Но скоро права Комитета так распространились, что немцы признали его официальной репрезентацией «Украинской народной общности» – «*Volksgeinschaft*».

Основные направления деятельности Комитета были: 1) акции помощи (социальная опека), т.е. Комитет получал средства так называемого «национального налога». Каждый гражданин должен был платить 1% из собственных доходов. Каждый гражданин украинской народности имел обязанность быть членом Центрального Комитета, получал справку, без которой не мог получить никакого немецкого документа. Это была принудительная организация. Кроме «нац. налога» Комитет получал от немецкого правительства дотацию на помощь малоимущему населению, а также продукты. Например, в 1943 г. Комитет получил большое количество масла, так что смог снабдить им всех своих членов. 2) В функции Комитета входило право организовывать союзы:

учителей, научных сотрудников, купцов, писателей, художников, инженеров. Были также некоторые рабочие союзы. Вне комитета нельзя было основывать никаких организаций. Каждая организация должна была иметь связь с Комитетом. В задачи этих союзов входили организации специалистов данной области. Это были закрытые корпорации, которые охватывали всех занятых в данной специальности (например, купцы, юристы и др.). Они заботились об улучшении материального положения своей группы, а также о повышении квалификации путем лекций, докладов, и нацеливали работу союзов на распространение их влияния на этот участок работы; например, купцы заботились о захвате рынка, ученые о подъеме украинской науки и т.д. Во главе союзов стояли: 1) союз научных работников, председатель проф. Перхорович (политехнический институт)

2) союз писателей – Лужницкий;

3) союз художников – Иванец;

4) союз юристов – Вачкив Иван;

[Л.6] 5) союз учителей – Северин Левицкий;

6) союз инженеров и другие объединения.

Третий участок деятельности Центрального комитета был культурно-образовательный.

У Центрального комитета было некоторое влияние на школы, а именно он мог подавать кандидатов на инспекторов, директоров, учителей; организовывал различные курсы, некоторые школы, например, театральные студии, бursы. Институт народного творчества организован вместо существовавшего в прошлом общества «Просвита», потому что немцы не позволили названия «Просвита»; вместо читален «Просвита» было организовано «Украинское образовательное общество» (УОО).

УЦК занимался организацией хоров, драматических и музыкальных кружков. Вся культурная деятельность охватывалась Институтом Народного творчества. С УЦК было связано Украинское издательство таким образом, что председателем Наблюдательного Совета был Кубийович В.

Четвертым пунктом деятельности Комитета является некоторое влияние на организацию низовой администрации по селам и небольшим городам. Он подавал кандидатов на войтов, солтисов, бургомистров, организовывал курсы по повышению знаний этих категорий чиновников.

Пятым пунктом деятельности Комитета была интервенция перед немецкими властями в деле учреждений и всей украинской общности. 1) Были такие дела, например, когда забирали массово население в Германию, устраивая облавы по улицам, так Кубийович шел к губернатору и договаривался, чтобы этого не делали таким неорганизованным образом. 2) Когда немцы по селам ездили и расстреливали крестьян, то иногда можно было задержать. 3) В деле снабжения питанием населения можно было договориться о некоторых увеличениях продуктов.

Галицкий губернатор Вехтер был австрийский немец и поэтому с ним значительно легче было найти общий язык, чем с берлинским немцем.

Надо сказать, что у Комитета были свои окружные комитеты и делегатуры, которые проводили ту же программу, что и Центральный Комитет. Аппарат УЦК строился по территориальному принципу по структуре, [Л.7] принятой в дистрикте. Наиболее сильными организациями УЦК были организации в Станиславове, Тернополе, Коломые, Стрые, Перемышле и Кринице. На работу УЦК и его провода до 1941 г. влияли мельниковцы, а позже здесь не было такой группы, а были отдельные лица, которые имели влияние на работу УЦК. В частности, лица, возглавлявшие крупные учреждения, как, например: в Маслосоюзе – Палий, в Центросоюзе – Павликовская, в Хлеборобской Палате – Храпливый Евгений.

Руководство работой УЦК осуществлял Кубийович, который сам подбирал всех своих сотрудников как в центре, так и в окружных комитетах.

Коллегиальное управление работой УЦК отсутствовало. Председатель УЦК и его заместитель были утверждены немецкими властями.

Кубийовича я знаю с 1930 г. Он приезжал во Львов на собрание Научного общества. Много говорил о реформах Научного общества. У него было много рациональных мыслей. Он хотел модернизировать Научное общество. Познакомился я с ним ближе на одной экскурсии на Холмщине, куда мы ходили пешком; это было тогда, когда поляки разрушали церкви на Холмщине. Кубийович нес целый мешок литературы на плечах, которую раздавал местному населению, тогда он казался мне очень идейным человеком, но очень романтичным.

Происходил он из Лемковщины, что ощущается по его произношению (у них другой акцент). Он был в галицкой армии (так мне кажется, но это надо проверить). Закончил университет в Кракове, там стал доцентом географии. Его специальность – демография. В 1936-1938 гг. он выдал географический атлас Украины, и тогда с помощью картографа Кулицкого нарисовал 20 стенных карт Украины и взял их на выставку в Берлин. Бывал он в Будапеште, Софии и читал там лекции об Украине. В Берлине его хорошо знали, возможно он учился в каком-то из университетов Германии, но я точно этого не знаю.

Как ученый он специалист только в демографии. Экономическая [Л.8] география – это его слабая сторона. Он очень пылкий ученый. Наука для него это все. Он чувствовал себя несчастным, потому что должен был стать организатором. Как ученый он не имел широких взглядов, если сравнивать с Юрием Ивановичем Полянским.

Председателем Центрального комитета в Кракове он стал в 1939 или в 1940 г., случайно, как одинокий, который был известен на краковском попреще. Там был второй контр-кандидат, которого многие считали лучшим претендентом. Не имея политического образования и политического опыта Кубийович попал сначала под влияние мельниковцев, а затем под влияние различных случайных

людей. Так, например, Глибовецкий – публицист-католик. Позже на его имел некоторое влияние Юрий Иванович Полянский. Они были друзья. Некоторое влияние на него оказал Шланкевич, главный редактор Украинской издательства, и Дмитрий Палиев, который был главой фронта национального единства.

Кубийович является человеком чрезвычайно трудолюбивым. Целый день он проводил конференции с различными референтами, у которых были свои участки, с председателями окружных делегатур Комитета. Под вечер он бывал очень уставшим и часто засыпал на заседаниях. Кубийович является человеком очень порядочным относительно денежных дел. Он никогда не прикарманивал общественных денег. Жил он очень аскетично, скромно, не пил. К Советскому Союзу относился с ненавистью, но почему именно так, трудно было понять. К немцам относился вначале очень благосклонно, очевидно потому, что у него были связи с выдающимися немецкими учеными, среди которых было много хороших. Он очень ненавидел поляков, потому что происходил из Лемковщины, где была все время заостренная борьба между поляками и украинцами. У него было много неприятностей со стороны польских профессоров в Кракове. Его перед самой войной лишили доцентуры, потому что он ездил за границу с картами Украины. Кубийович был человеком амбициозным, властолюбивым, не любил рядом с собой терпеть другого. Поэтому с Паньковским у него были разногласия. Кубийович – это человек упорный, холодный, он не умеет вызывать к [Л.9] себе симпатии. Свою работу он умеет очень хорошо организовать. Перед каждой конференцией у него была программа с обозначенными пунктами. Когда кто-нибудь говорил, то он туда записывал себе ход мыслей. Его речи и доклады были все хорошо сконструированы, логические, но он не умел захватить широкой массы, не умел овладеть слушателями.

Политический авторитет среди бывших партийных политиков имел он небольшой, так как все чувствовали, что у него нет политического опыта, он не участвовал в политической и партийной жизни до 1939. Относительно различных мелких дел, то он вел их хорошо. В узком кругу людей он мог найти влияние и провести какое-то дело. Некоторые речи ему составляли сотрудники. Иногда чувствовалось, что это не его речь. Он имел значительный авторитет среди немцев. Умел с ними говорить, потому что у него был холодный немецкий характер и потому что по своему типу он был похож на немца и поэтому часто реализовывал свои желания. Но чувствовалось, что немцы считали, что он слишком вырос, и в некоторых делах не позволяли Кубийовичу говорить и приказывали это дело проводить Паньковскому. Кубийович об этом знал. Кубийович был сторонником авторитарного устройства. Кубийович надеялся, что если бы немцы пошли на Приднепровье, то он получил бы там такую же роль, как в Галиции. Но об этом он думал только в 1941 г., потому что в этом году осенью он ездил в Киев с Паньковским, но вернулся разочарованный, что немцы не проявляют никакого желания строить украинское государство, и украинцы его встретили очень холодно. Когда Кубийович начинал свою деятельность в

Кракове, тогда немцы очень щедро давали всякие обещания украинской интеллигенции, всякие должности и т.п. Он наивно надеялся, что немцы построят самостоятельное украинское государство. Позже он разочаровался все больше в немцах, но не видел для себя никакого выхода. Ему, [Л.10] например, советовали, чтобы он завязал отношения с американцами и англичанами, но он заявлял, что не может сойти со своего пути. Он предполагал, что ему придется уехать в Америку в эмиграцию.

Это была своего рода трагичность, что его карты совсем безнадежны.

Кость Косьтевич Панькивский – сын известного в Галиции экономиста-оператора; ему до 50 лет. Он адвокат, принадлежал к радикальной партии при Польше до 1939, но не был очень деятельным членом. Позже Полянского хотели сделать своим заместителем в Городской Раде, но он отказался, а потом его определили на заместителя Кубийовича для Галицкого дистрикта. Он другой тип, чем Кубиевич – очень сердечный в разговорах с сатирическим юмором, таким, что иногда трудно было понять, говорит он серьезно или с насмешками трактует какое-то дело. Он хороший оратор, критически относился к немецкой политике Кубийовича, но сам часто разговаривал с немцами в разных делах, касавшихся Центрального Комитета. С Кубийовичем он не мог согласиться, между ними все время ощущались личные разногласия. Он был политически более гибкий, чем Кубийович, не был таким догматистом, более реально принимал всякие политические дела и явления. В своей веселой фразеологии называл Кубийовича цисарем. Авторитета, особенно в окружных комитетах, имел гораздо больше, чем у Кубийовича, умел обходиться с людьми и привлечь их на свою сторону. Кроме официальных директив он также давал не раз противоположные установки.

Деятельность Украинского центрального комитета нельзя считать цельной, здесь перекрещиваются два стремления. С одной стороны, немцы создали комитет для того, чтобы им легче было управлять украинским населением и эксплуатировать его для своих целей, особенно для фронта. Центральный комитет должен был своей организацией помогать немцам в организации поставок хлеба, в доставке людей в Германию на работу, при организации так [Л.11] называемой «Службы Родине», а фактически это была служба дорожная «Baudienst» и также на образование Галицкой дивизии.

С другой стороны, украинская общественность хотела использовать комитет для своей собственной организации так, чтобы обезопасить себя от уничтожения, к которому шли немцы. Поэтому, особенно окружные комитеты, пытались только для отвода глаз (для вида) выполнять все то, чего жаждали немцы, а главную свою задачу видели в том, чтобы любым способом противостоять немецкому наступлению.

Комитет не был объединенной организацией и порой происходили разногласия между руководством или же Кубийовичем и деятелями из провинции, которые обвиняли Кубийовича в том, что он слишком далеко уходит в своем сотрудничестве с немцами. Особенно недовольство получилось при

образованные Галицкой дивизии, которую большинство интеллигенции считали несвоевременной, потому что все выглядело так, что Германия скоро проиграет и украинский народ столкнется с упреками, что он помогал немецкой армии. Некоторые группы защищали создание дивизии тем, что Украине вооруженная сила нужна как раз на случай проигрыша Германии, главным образом, чтобы защищать население запада перед наступлением Польши. Некоторые представляли себе даже, что одновременно с Германией прекратит существование также и Советский Союз, и тогда Галицкая дивизия может стать основой для создания государственной власти.

Все-таки образование дивизии шло путем насилия, как обязательный набор. В некоторых районах крейскомисары давали приказы обязательной мобилизации населения определенного возраста. Если оценивать эти два направления, которые были в организации Центрального комитета, один официальный, а второй общественный, то все же надо сказать, что эти успехи, которые были у комитета с организацией украинской культурной жизни, не сравнятся с теми преградами, которые принесла политика руководства комитета, а именно, что она помогала немцам дольше удержаться на украинских землях.

[Л.12] 3.

Гитлер и гитлеризм ясно и недвусмысленно стремились к уничтожению украинской культуры и культуры всех славянских народов, и прежде всего запрещали существование или создание центров, которые работают в сфере культуры и создают интеллигенцию. Так же в Галиции немцы пытались уничтожить украинскую культуру, но Центральный Комитет все-таки чем-то это наступление задерживал. В марте 1941 г. во Львов приехал президент отдела науки при генеральном губернаторе Вацко вместе с Гансом Кохом. Они созвали профессоров Львовского университета на совещание. Там говорили что-то о приверженности Германии к культуре, но окончательно Вацко заявил, что и университет, и институты Академии наук, и библиотека должны быть закрыты и назначил для всех учреждений комиссарские управы.

В университете комиссаром был Симович. В Академии наук – учитель гимназии Кисилевский.

Центральный комитет пытался противостоять этой немецкой политике, и Кубийович выслал целую массу мемориалов для защиты различных учреждений. Кубийович проявлял большое внимание украинской науке. У него часто происходили совещания о научных делах, в которых принимали участие Симович, Полянский, Панчишин, Перхорович, а также представители других институтов. Удалось Кубийовичу добиться того, что немцы согласились открыть: институты медицинский, ветеринарный, фармацевтический, лесной, политехнический, сельскохозяйственный, но не разрешено было их называть институтами, потому что такова была воля Гитлера, а называли их только профессиональными курсами. Преподавание шло на немецком языке. Курсы не имели права выдавать дипломов, а только справки. Работали эти курсы

систематически. Большинство профессоров курсов не знали немецкого языка и поэтому свои лекции только начинали несколькими фразами по-немецки, дальше преподавали по-украински или по-польски, и заканчивали снова на немецком языке. Лучше был организован медицинский институт д-ром Панчишиным. Он привлек много украинских научных [Л.13] сил. Некоторые профессора были из Харькова, Киева. Большое количество студентов были украинцы, поэтому против Панчишина стали выступать польские националисты, он получал угрозы о том, что его даже убьют. Были также организованы профессиональные юридические курсы. Организация их попала в руки профессоров-поляков и фольксдойче, но генерал-губернатор не позволил открыть эти курсы, потому что они могли давать слушателям политическое образование. Также Кубийович не мог добиться открытия историко-филологического отдела или факультета, который был нужен практически для средних школ, чтобы получить больше учителей. Не удалось также создать научного института. Еще в 1940 г. Кубийович в Кракове получил согласие генерал-губернатора на такой научно-исследовательский институт, в котором должны быть кафедры истории, археологии, литературы, языка, экономики, украинского права и др. Но в Кракове не организовали такой институт якобы потому, что помешала война с Союзом. Позже, в 1942 г. Кубийович получил разрешение генерал-губернатора на создание так называемого Института им. Шевченко на базе институтов Академии наук во Львове с украиноведческими кафедрами. Но этому воспрепятствовало берлинское гестапо и не разрешили открывать институт, а также конфисковали правительственный дневник распоряжений в генерал-губернаторстве, в котором был этот декрет.

Немецкая цензура запретила любые научные издательства.

Я был редактором научных изданий в украинском издательстве. Подготовил к печати сборник Франка, археологический сборник, природоведческий, кое-что из экономики, лекарственный сборник, но цензура ни на один этот сборник не дала разрешения, так что из научных книг вышла только книга «Княжий Галич» Пастернака, и то благодаря личным знакомствам автора.

[Л.14] В украинском издательстве были отделы школьных учебников, которые вел Храпливый Зенон, и отдел красной литературы, которую вел Гордынський, детские издания, отдел профессиональных изданий. Журналы «Наши дни» литературного содержания, «Дорога» для молодежи и «Юные друзья» для младшего возраста. Формально украинскому издательству принадлежали «Краковские вести», но фактически они выдавались в Кракове и у них была отдельная редакция.

Главным редактором в Кракове был проф. Иван Зелинский, у которого не было большого влияния, он был человек мягкий.

Во Львове главным редактором был Шлемкевич, специалист по философии, который был в свое время в Вене, Париже. Человек образованный. Издательство должно было вести борьбу с цензурой. Цензорами были часто

полуграмотные фольксдойче или немки, которые очень долго держали рукописи и цеплялись ко всяким мелочам.

Время от времени надо было на банкетах добывать разрешение на издание. Позволили печатать изящной словесности. Не позволяли совсем истории и политических вопросов. Не разрешили чисто научных изданий. Поручали печатать различные пропагандистские издания, в которых тексты не раз присылали переведенными.

Издательство организовало два или три раза литературные конкурсы, на которые пришло много интересных литературных произведений. Тираж был небольшой, в зависимости от бумаги; его давал немецкий отдел пропаганды. Надо было уговаривать. Примерно тираж был до 2000, не более. Издательство получало большую прибыль, но по немецкому закону, в конце года вся прибыль или какой-то большой процент шел на государство. Чтобы государству не давать этого, издательство совершало много фиктивных действий с целью помочь ученым или писателям.

Вел беседу ученый секретарь Комиссии истории Отечественной войны, кандидат общественных наук, старший научный сотрудник Института экономики АН УССР Д.Р. Гак

Стенографировала: Р. Шестопалова – референт Президиума АН УССР
Львов 16 19. IX.1944.

Ив. Крипьякевич

Пронумерованы 14 нояб.

мл. наук. раб. Смалуц

31-I-46 г.